

Р.И. Сефербеков

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ
ТАБАСАРАНА**

Азербайджанцы Табаарана – этническая группа дагестанских азербайджанцев, которая является частью азербайджанского этноса, образующего основное население Азербайджана и Северо-Западного Ирана. Дагестанские азербайджанцы расселены в приморской и предгорной частях Южного Дагестана, в основном в г. Дербенте и близлежащих к нему районах. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., азербайджанцев, живущих в республике Дагестан, насчитывается около 112 тыс., что составляет 4% населения республики, или 1,3% всех азербайджанцев СНГ. Около половины их проживает в сельской местности – в Дербентском (55,7% населения района), Табасаранском (18%), а также в Рутульском (4%), Магарамкентском (2,8%) и Кизлярском (2,6%) районах (13.С.507).

Дагестанские азербайджанцы – представители каспийского типа большой европеоидной расы с небольшой примесью элементов кавкасионского типа, т.е. их антропологический состав свидетельствует о смешении каспийского и кавкасионского типов южной европеоидной расы. Говорят они на дербентском и терекемейском диалектах азербайджанского языка юго-западной (огузской) подгруппы тюркской группы алтайской языковой семьи (13.С.508). История этнического формирования дагестанских азербайджанцев тесно связана с историей всего азербайджанского народа, являясь его неотъемлемой частью. Вместе с тем дагестанские азербайджанцы в силу ряда объективных факторов, специфики условий своего развития в иноэтнической среде имеют и отличительные черты в культуре и в быту представляя одну из локальных или этнических групп данного этноса (10.С.26).

Предки дагестанских азербайджанцев входили в состав древней Кавказкой Албании, а в средневековый период на территории их расселения существовали государства Маскут, Гуния (Страна Хонов), Дербент (с IX в. – Дербентский эмират, с XVIII в. – ханство), Табасаранское кадийство, Ширван и другие (13.С.510). После присоединения Дагестана к России большинство сел дагестанских азербайджанцев вошло в состав Северо-Табасаранского наибства Кайтаго-Табасаранского округа (21. С. 15-17).

Многовековое совместное проживание с соседними табасаранцами, длительные исторические, экономические и культурные связи, родственные браки с ними не могли не отразиться на языке, материальной и духовной культуре, семейном и общественном быте, религиозных верованиях дагестанских азербайджанцев, на что указывают исследователи (1.С. 16-18; 11 .С.34-36,68). Естественно имел место и обратный процесс взаимообогащения культур (2.С.90-93).

Азербайджанцы Дагестана исповедуют ислам шиитского (горожане Дербента) и суннитского (большая часть сельских азербайджанцев) толков. Распространение ислама, как известно, явилось одним из важнейших последствий арабского завоевания Азербайджана (15.С.108-112) и Дагестана (33). Ислам содействовал проникновению в среду дагестанских азербайджанцев арабского языка, культуры, элементов мусульманской мифологии и т.п. Однако, несмотря на многовековое влияние ислама в религиозных представлениях дагестанских азербайджанцев сохранилось немало реликтов

язычества, о чем свидетельствуют многие обычаи и обряды, некоторые жанры фольклора, определенная лексика и фразеология, донесшие до нас образы целого ряда традиционных мифологических персонажей.

Основной целью данного исследования является описание мифологических персонажей дагестанских азербайджанцев, проживающих в селениях Дарваг, Зиль, Ерси, Арак, Цанак Табасаранского района РД.

Наиболее древними богами дагестанских азербайджанцев, как и у других народов мира (22.С. 131-132), были, вероятно, олицетворяемые небесные светила - солнце («г/он») и луна («ай»), которые находились в оппозиции по признакам родства и пола. На основании мифов, записанных в разных селах, солнце – брат, луна – сестра (с.Арак); солнце – сестра, луна – брат (с.Цанак); это брат и сестра (сс. Зиль, Дарваг); солнце – девушка, луна – парень (сс. Дарваг, Зиль, Ерси); солнце – парень, луна – девушка (с. Зиль); друг за другом гоняются (сс. Дарваг, Зиль).

Имеются мифы, в которых присутствует мотив инцеста: «Это влюбленные друг в друга брат и сестра, которые никак не могут встретиться» (с. Дарваг). Такой же мотив зафиксирован в мифах табасаранцев (20.С.7) и рутульцев (27.С.21).

Таким образом, степень родства и пол в оппозиции солнце – луна у азербайджанцев Табасарана определяются (с инверсией) соответственно: сестра – брат, девушка – парень.

Этиологические мифы, объясняющие яркость и жгучесть солнечных лучей для глаз человека, а также наличие пятен на лице луны многообразны. Солнце будто бы сказало: «Я такое красивое, и чтобы меня не сглазили, я поднимусь высоко-высоко и буду колоть иглами в глаза тех, кто будет на меня смотреть» (с. Дарваг). Сестра солнца из зависти воткнула в него иголки, поэтому и невозможно смотреть на солнце (с. Зиль).

Раньше луна светила ярче, чем солнце. Завистливое солнце обмазало луну грязью, из-за чего на ней образовались пятна и светит она тускло (с. Арак). Солнце обмазало луну грязью, чтобы ее не сглазили и лица не было видно, поэтому она светит тускло (с. Дарваг). Луна (брат) якобы сказала солнцу (сестре): «Ты выходи светить после меня днем, так как ночью можешь испугаться». Однако солнце хотело выходить светить перед братом и, обидевшись, обмазало луну куском овчины, выпачканной черным мелом – отсюда и пятна на лице луны (с. Цанак). У луны (брата) была сестра, которая из зависти, что солнце (девушка) влюблена в ее брата, заляпала его грязью (с. Зиль).

Лезгины также считали луну братом, а солнце – сестрой, а пятна на луне – пощечиной, полученной от сестры (7.С. 120).

Раньше луна и солнце были одним светилом. Архангел Джабраил махнул крылом и разделил их надвое, чтобы солнце светило днем, а луна – ночью. Пятна на луне – это отпечаток от крыла архангела Джабраила (с.Ерси). Пятна на луне – это силуэт Бога, а свет, исходящий от луны, – это свет от лампы Всевышнего (с. Цанак).

Красивую девушку сравнивают с солнцем («Гюн кимик ишиг вереду» – «Солнцеподобная»), а парня – с лунной (с. Дарваг).

Имеются антропонимы, в которых присутствуют названия светил – Айгюн (Луна-Солнце), Гюнай (Солнце-Луна), Айгуль (Лунный цветок), Айбала (Дитя луны), Айбике (Княжна луны), Айханум (Госпожа луны).

По некоторым представлениям, солнце после заката совершает еще и полный круг под землей (с. Зиль).

Когда какой-нибудь человек неожиданно для окружающих совершал добрый поступок и сообщал об этом, ему говорили: «Поэтому и солнце вышло» (с. Цанак). Если при солнце шел дождь, повсеместно говорили: «Шайтану невесту везут».

Среди персонифицируемых атмосферных явлений особое место занимала радуга, которая в разных селах имела свои наименования: яй («лук») (сс. Зиль, Цанак), я/ох («лукообразная») (с. Арак), аллакун яйи («лук Аллаха») (с. Ерси), Хасан-Хусейн яйи («лук Хасана и Хусейна») – близнецов-мучеников, почитаемых в шиитской традиции (17.С.599) (с. Дарваг). У других дагестанских азербайджанцев радуга называлась кек

гуршаги (букв. «пояс неба»), о к яй («стрела лука») (10.С.343). Терекменцы называли ее гары нененин охайы («лук бабы Яги») (9.С.197), кумыки – Энем джая («лук бабы-Яги») (8.С.329), а также Тенгри джаясы («лук бога Тенгри»; «небесный лук» или «божий лук») (29.С.66). Карачаевцы называли радугу Тейри кылыч («сабля Тейри») (32.С.164).

Таким образом, судя по наименованиям радуги, у дагестанских азербайджанцев она, как и у других тюркских народов Дагестана и Северного Кавказа, рассматривалась как оружие (лук) сверхъестественных мифологических персонажей. Следует отметить, что к такому оружию относились, вероятно, гром («гугурум»; «гюг гурулдамаг» – «небо гремит») и молния («ильдирим»). Последнюю представляли в виде «стрелы лука» («яйух») (с. Цанак), «сабли» («килиндж») (с. Арак), «сабли Аллаха» (с. Дарваг), «сабли ангела» (с. Ерси). Грохот грома происходит будто бы из-за того, что «ангелы гоняют облака, чтобы люди боялись» (с. Ерси). Таким образом, исходя из названий радуги (лук) и молнии (стрела лука, сабля) – оружия сверхъестественных персонажей, коим они карали ослушников их воли и грешников, можно судить о мифологическом понятийном аппарате дагестанских азербайджанцев, во многом совпадающем с религиозными представлениями других народов мира (бог неба натягивает лук-радугу и посылает огненную стрелу-молнию или машет мечом-молнией) (4.С.208). Как и табасаранцы, азербайджанцы полагали, что молния чаще всего бьет в грецкий орех (с. Зиль, Дарваг, Ерси) и дуб (с. Ерси), поэтому в грозу не рекомендовалось находиться вблизи этих деревьев. Для того чтобы не попасть под удар молнии, советовали прятаться в укромном темном месте дома (с. Ерси).

Возвращаясь к верованиям, связанным с радугой, следует отметить, что с ней были связаны различные, в том числе и метеорологические приметы. Так, считали, что если при появлении радуги загадать желание – оно исполнится (с. Ерси). Если в момент рождения ребенка появилась радуга – жизнь у него будет счастливой (с. Дарваг). Если в момент смерти какого-нибудь человека на небе появилась радуга – он попадет в рай (с. Зиль). Появление радуги после ненастья – к ясной погоде и к урожаю (с. Дарваг, Арак). Если радуга появилась со стороны восхода солнца – к счастливому, благодатному году, если со стороны моря – к несчастливому году (с. Дарваг), а если она раскинулась вокруг солнца – к кровопролитию, войне (с. Цанак). Если один конец радуги находится в речке – значит она пьет воду (с. Арак). Абхазы также представляли радугу пьющей воду из реки (30.С.155).

В аграрных обрядах большое значение придавали символике цветов радуги, по преобладанию которых судили об урожае в предстоящем году. Так, если в радуге преобладал красный цвет – это к большому урожаю зерновых, желтый – к засухе, зеленый – к обильным дождям (с. Арак), красный – к хорошему урожаю пшеницы, синий – к урожаю ячменя (с. Зиль).

Персонификацией божества дождя являлся ряженный – Гудил (так же он назывался и у табасаранцев). Им обычно бывал мальчик (с. Арак, Зиль), юноша (с. Ерси), мужчина (с. Дарваг) или даже женщина (с. Ерси). Ряженого наряжали в ветви кустарника («кандалач») так, чтобы его не было видно, а за пояс обвязывали веревкой. Процессия, состоявшая из детей и подростков, водила ряженого по дворам села, напевая песенку следующего содержания:

Гудил- гудил дурсана!
Ха- ха!
Чемчени дулдурсана!
Ха- ха!
Бир юмурта версене!
Ха- ха!

Гудил- гудил, встань-ка!
Ха- ха!
Наполни-ка черпачок!
Ха- ха!
Дайте-ка яичко одно!
Ха- ха!

Гари нененун нэ'хиши!
Ха- ха!

Узоры старой бабушки!
Ха- ха!

Аллах вэрсун ягыши!
Ха- ха!
(с. Ерси) (12.С.20-21).

Пусть Аллах пошлет нам дождь!
Ха- ха!

Гудил, Гудил, хач Гудил!
Артинжен ягыш Гудил!
Гудилун пайи версенюз!
Гудил и юла салсануз!

Гудил, Гудил, хач Гудил!
Под золотым дождем Гудил!
Гудила долю дайте!
Гудила в дорогу провожайте!
(с. Арак).

Гудил, гудил, ха-ха!
Чах даши, чакмаг даши!
Аллах версии ягышы!
Кара хатунун каргыши!

Гудил, Гудил, ха-ха!
Кремень, кремень!
Пусть Аллах даст дождь!
Проклятие старой женщины!
(с. Зиль).

Гудил, гудил,хоу-хоу!!
Гудилин пайи версене!
Чемчени думдурсана!
Чахдаши, чакмагдаши!
ара хатунун каргыши!
Аллах версии ягыши!

Гудил, гудил,хоу-хоу!
Гудила долю отдали бы
Черпак наполнили бы!
Кремнем, кремнем!
Черной женщины проклятие!
Аллах пусть даст дождь!
(с. Дарваг).

Хозяйки обливали ряженого водой, а сопровождавших его лиц одаривали яйцами, орехами, фруктами, сладостями, хлебом, сушеным мясом. Обойдя все дворы села, участники обряда делили поровну собранные продукты (с. Ерси), причем ряженому доставалась двойная порция (с. Цанак), и устраивали пир на поляне за селом (с. Дарваг). Обряд с ряженым проводился в сс. Арак и Дарваг до 1940-х гг., в с. Цанак – до 1960-х гг., а в с. Зиль проводится до сих пор.

Кроме обряда с ряженым, существовали и другие приемы по вызыванию дождя. Так, в с. Дарваг для этого мутили воду в находящемся в центре села «Роднике Агая» или же, собрав продукты с 10-15 дворов, варили и раздавали прохожим ритуальное блюдо «семени» у священного тутового дерева «Гыз пир».

Священный старый боярышник имелся и на северо-западной окраине с. Ерси. Под корнями этого дерева в земле находится саркофагообразный надмогильный памятник. При засухе женщины села поддевали его ломом и шевелили. Здесь же варили суп и раздавали его детям. Верили, что после проведения обряда дождь должен был идти 7 дней и 7 ночей.

В с. Арак на кладбище имелся почитаемый надмогильный памятник «Бушлу-пир» с навершием в форме шара. Вплоть до 1990-х гг. этот памятник использовали в обряде вызывания дождя. К нему отправлялись три женщины, прихватив кувшин воды. Начинали обряд с чтения молитв. Затем с памятника снимали навершие, омывали его водой из кувшина и клали у основания. В качестве жертвоприношения раздавали халву. Когда шел дождь, к памятнику отправлялись парни, которые возвращали навершие на прежнее место. Необычная форма надмогильного памятника, разделение ролей по признаку пола и другие детали свидетельствуют и о возможной фаллической семантике обряда. Схожий обряд существовал и в соседнем табасаранском с. Лидже.

В с. Цанак для вызывания дождя обмазывали почитаемый в этом селе надмогильный памятник «Уллу даш» черным мелом, залежи которого имелись вблизи с. Хучни. При вызывании солнца памятник обмазывали белым мелом, который добывали в с. Туруф. Обмазывала памятник девушка из тухума Шихлер, ведущего свое происхождение якобы от пророка. Схожие обряды по вызыванию дождя и солнца с использованием мела определенных цветов, которыми белили надмогильный памятник на могиле пастуха, будто бы знавшего язык зверей и птиц, имелись и в соседнем табасаранском с. Рушуль (5.С.64).

В с. Арак для вызывания дождя дети дважды произносили незамысловатый куплет:

Довшан бала дугмаутду,	Зайчиха не родила,
Ягягыш!	Лей дождь!

Для прекращения затяжных дождей произносили наоборот:

Довшан бала дугутду,	Зайчиха родила,
Ягмаягыш!	Перестань лить дождь!

В этом же селе при засухе били палкой по земле, заклиная: «Лейся дождь!». Иногда для вызова дождя разрушали муравьиную кучу.

Существовали особые обряды, направленные на предотвращение затяжных дождей, ливней и града. Так, повсеместно при этих стихийных бедствиях стреляли из ружей в небо, выбрасывали во двор золу, очажную треногу вверх ножками, устанавливали топор острием вверх. Иногда при затяжных дождях во двор посылали дочь-первенца (с. Дарваг) или старуху (с. Зиль), которая собирала в кувшин дождевую воду с водосточных труб 7 дворов. Затем воду в кувшине кипятили до тех пор, пока она не испарялась.

Ряженный участвовал не только в обряде по вызыванию дождя. Он был обязательным персонажем весеннего праздника Навруз-байрам, свадеб и выступлений канатоходцев. В с. Зиль ряженный назывался *Канбабай*, в с. Ерсин – *Гямбею*, в сс. Арак и Цанак – *Гямп* (для сравнения: у табасаранцев ряженный назывался *ГьямпI*). На голову ряженный надевал войлочную маску (с. Арак) или маску из козьей шкуры с прорезями для рта и глаз (обведенными красной краской), с прикрепленными рогами и висячими ушами из войлока (с. Цанак), или же маску с рогами, бородой и усами (с. Арак). Ряженный носил овчинную безрукавку мехом наружу. Дополнял его костюм пришитый сзади коровий (с. Зиль) или козий (с. Цанак) хвост. Обязательным атрибутом ряженого была палка.

Ряженными обычно бывали пожилые мужчины. Иногда шутки и веселья ради на свадьбах девушки или женщины рядились в старую порванную (с. Ерсин) мужскую одежду. Основной задачей ряженных являлось поддержание веселья на различных общественных мероприятиях. С этой целью они кувыркались, танцевали, обсыпали зрителей мукой. На их шутки и проказы, которые зачастую переходили всякую границу и были непристойными, а иногда и эротическими, было принято не обижаться. Все свои действия ряженные производили молча и лишь на выступлениях канатоходцев они разговаривали (с канатоходцем).

Анализ костюма и атрибутов, функций и предикатов ряженных позволяет рассматривать их в качестве персонификаций божеств продуцирования, покровительствующих семье и браку, а также аграрному воспроизводству.

В качестве олицетворения домашнего изобилия и благополучия можно рассматривать фигурные обрядовые хлеба – *гугал* (с. Арак) или *кукал* (с. Зиль) антропоморфного (с. Зиль) или зооморфного (заяц, голубь, петух) (сс. Арак, Зиль) облика, которые выпекали и дарили детям на праздники Навруз-байрам и Курбан-байрам, а также на свадьбах. Их замешивали на яйце, молоке и топленом масле, а прежде чем запечь в печи, в тесто втыкали орехи. На Навруз-байрам и свадьбы пекли и другие виды ритуальных хлебов – «шура» и «кюльче», которые символизировали солнце. Они были слоеными и также замешивались на яйце и топленом масле. Сверху хлеба обмазывались яичным желтком. Хлеб из кукурузной муки у дагестанских азербайджанцев называется, как и у табасаранцев, «баклук».

Заметное место в религиозных представлениях занимала вера в домовых (в с. Зиль – Юрт планы, в с. Дарваг – *Юрт илани*, в сс. Ерси, Арак – *Юрт илан*) или фундаментных (в с. Арак – *Шарвад илан*, в с. Цанак – *Шарван илан*) змей. По внешнему облику змея с палец толщиной и длиной в локоть (с. Зиль), синего (с. Зиль), черного, серого, темно-зеленого (с. Дарваг), коричневого (с. Арак), пепельного (с. Цанак) цвета или лее черная, но с красной мордой (с. Ерси). Если у нее на голове пятна, это не домовая, а простая змея (с. Дарваг). Домовая змея не кусает людей, а только шипит. Детенышей у нее не бывает (с. Зиль).

Локусом ее обитания является фундамент дома. На глаза людям она попадает редко (сс. Зиль, Дарваг), в основном летом, в жару (с. Дарваг).

Ей кладут блюдце с водой (с. Зиль). Сайд Небиев из с. Цанак помнит, как в детстве в доме его отца домовая змея приползала на второй этаж и на глазах у всех пила воду из кувшина.

Домовую змею не трогают, а тем более не убивают – грех, к несчастью. От ее присутствия зависит достаток («берекет») в доме. Если убить домовую змею, это приведет к падежу скота (с. Цанак). Змеиный язык помещали внутрь амулета, который пришивали к одежде ребенка – «чтобы был языкастым».

Вообще же, по верованиям дагестанских азербайджанцев, убить любое живое существо, нашедшее приют в доме, – плохая примета. Тот же С.Небиев рассказывал, что после того, как он убил свившую в его доме гнездо ласку, через месяц околела корова. В отношении этого зверька имеется примета: если обернуть кошелек шкурой ласки – деньги не будут иссякать. Другая примета: если убить лягушку – у коровы сломается нога (с. Дарваг). Табасаранцы в этом случае полагали, что могут усохнуть сосцы у коровы (20.С.41), а лакцы (28.С.77) и аварцы (31.С.61), что корова околеет.

Сверчка тоже не убивают, так как существует поверье, что с ним связано домашнее благополучие. Не убивают также особенно в дни траура моль, «так как в этом облике может являться душа покойного» (с. Цанак).

Домовой назывался *Эв адами* (букв. «Дома человек»). Иногда, если прислушаться, бывает слышно, как он ходит, стучит, передвигает предметы по дому. Его присутствие в доме на пользу людям (сс. Дарваг, Арак).

Помимо собственного домового, т.е. «незримого покровителя семьи, олицетворявшего ее благополучие, который ассоциировался в сознании людей с образом предка, умершего хозяина» (23.С.97), у дагестанских азербайджанцев сохранялась вера в другой мифологический персонаж, который лишь условно можно отнести к домовому, так как основным локусом его обитания была мельница, а дом был местом его контакта с человеком.

В с. Зиль его называли Кара басма, в с. Арак и Цанак – *Кара басмаг*, в сс. Дарваг – *Кара басады*, что в переводе означает *Черный душитель*. На мельнице дух будто бы обитал в тихом водном пространстве (в тихом омуте черти водятся) за вращающимися лопастями турбины (с. Цанак). Помимо мельницы существовали и другие локусы обитания нечистой силы. Например, следовало обязательно заполнять дровами проем между очагом и стеной, иначе, по поверью, туда может заползти домовая. Вечером не следовало выгрести и выбрасывать во двор очажную золу. Существовала вера, что если выгрести золу (мертвый огонь) и оставить ее перед очагом, то она может стать пристанищем нечистой силы, в том числе и домового. Если была необходимость выгрести на ночь золу, то в ней обязательно оставляли тлеющие угольки (оберег) (с. Цанак).

Представляли этот злой дух в зоо- и антропоморфных ипостасях: в виде черной птицы (с. Ерси), в женском (с. Дарваг) или мужском (с. Цанак) облике, либо в облике старика с бородой (с. Зиль). Модус появления – через дверной порог (с. Цанак), а чаще всего – через дымоход («ужаг»), который, как известно, является «входом из одного мира в другой» (24.С.125).

Обычно дух приходил в дом ночью. Навалившись всей тяжестью на спящего на спине человека, душил его. Демон переставал душить спящего, если последнего будили

или он сам просыпался. В с. Цанак считали, что демон только мужского пола и наваливался он исключительно на женщин или грешников. Обычно *Черный душитель* безмолвен («немота в – фольклоре признак принадлежности к миру мертвых») (19.С.48), но особым «чистым» людям он иногда предсказывал судьбу и исполнял желания (с. Цанак).

Для того чтобы оградить себя от появления демона, читали молитву перед сном (с. Зиль. Цанак) и в момент, когда он наваливался и душил (с. Ерси). В комнате, где на ночь стелили детям, пол мели веником из горьких прутьев, «чтобы отогнать нечистую силу».

Повсеместно оберегами от *Черного душителя* считались положенные под подушку ожерелье из черных бус, хлеб, кинжал, нож (в с. Дарваг – желательна отцовский или дедовский нож), ножницы, угольки; веник, поставленный у изголовья. Для того чтобы демон не приходил, били палкой по дымоходу.

Демон-антагонист рожениц у дагестанских азербайджанцев, как и у других тюркско-иранских народов (3.С.58), назывался *Ал*. Его представляли в виде петуха (с. Дарваг, Ерси) с разноцветными перьями (с. Цанак) или в облике обнаженной женщины с длинными волосами и когтями (с.Ерси). Демон нападал на роженицу в особые критические для нее дни, когда она была особенно уязвима. Это были первые сутки (с. Ерси), первые трое суток (с. Цанак), 40 дней (с. Зиль, Дарваг) после родов. Улучив момент, когда роженица оставалась в комнате одна и впадала в сон, *Ал* набрасывался на нее и вырывал у женщины легкие (с. Ерси) или печень (с. Дарваг), которые торопился опустить в ближайший водоем. Новорожденного ребенка *Ал* не трогает. Женщина, у которой вырвали внутренние органы, теряла сознание, у нее западал язык, она сходила с ума.

Как только в селе становилось известно, что роженица подверглась нападению *Ал*, поднимался шум и свист («шум в противоположность молчанию – жизненное начало») (19.С.52). С криком : «Ал апарды!» («*Ал* забрал!») мужчины бежали к родникам и речкам в черте села и рубили в них воду кинжалами для того, чтобы напугать *Ал* и не дать ему возможность опустить внутренности в воду. Если допустить, что это произойдет, роженица умерла.

Чтобы предупредить появление *Ал* и оградить роженицу от контакта с ним вооруженные ружьями и кинжалами мужчины охраняли дом и особенно его окна, стреляли из ружья в дымоходную трубу, женщину не оставляли в комнате одну.

В опасные для роженицы дни у родников выставляли вооруженный караул. Как и лезгины (16.С. 146), по полу комнаты, где находилась роженица, разбрасывали просо. Под ее подушку в качестве оберегов клали Коран, хлеб, кинжал, нож, ножницы, а у изголовья - веник из горьких прутьев, воду в кувшине.

Сохранились былички, повествующие о встречах с *Ал*. Так, в с. Ерси рассказывают о жителе села, который застал у родника «Гарац-булаг» *Ал* в тот момент, когда он собирался опустить в воду украденные у роженицы легкие. Мужчина пригрозил демону кинжалом и приказал немедленно вернуть легкие на прежнее место. *Ал* подчинился и роженица вскоре выздоровела. В с. Дарваг схожий случай произошел в 1920-х гг. с неким Джанбалой. Он будто бы схватил его и, пригрозив кинжалом, приказал: «*Ал*-кафир, отнеси внутренности обратно!». *Ал* якобы взмолился и просил не убивать его, обещая не трогать родственниц Джанбалы.

В с. Цанак *Ал* при сходных обстоятельствах в обмен на свободу дал клятву не трогать в семи поколениях представительниц тухума Магомедар. Лет 40 тому назад в этом селе одна роженица почувствовала, что *Ал* собирается напасть на нее. Для того чтобы предотвратить нападение, ей под подушку положили нож и пиджак мужчины из тухума Магомедар, а у родника «Чинар-булаг» выставили мужчину с ружьем, чтобы отпугнуть демона на тот случай, если он вздумает выполоскать в нем украденные легкие.

Интересно отметить, что былички о встречах с *Ал* бытуют не только среди азербайджанцев, проживающих в сельской местности, но также и у горожан. Так, лесник дербентского лесхоза Айваз Айвазов поведал нам, что в 2000 г. он несколько дней подряд

по утрам находил у родника, что в сосновом бору вблизи крепости Нарын-кала, пучки черных и рыжих волос, принадлежащих, по его мнению, *Ал-анасы*. Ее волосы будто бы обнаружили и у родника в местности Пирмешки. По рассказам старожилов г. Дербента, *Ал-анасы* якобы видели в 1940-х гг., расчесывающим волосы по утрам у колодца вблизи крепостных ворот Джарчи-капы. По их словам, это старуха с длинными седыми волосами. К человеку она не подходит. Если удастся воткнуть ей в спину иголку или булавку, она подчиняется человеку и исполняет любое его желание. Демон не любит находиться вблизи ручьев и речек, так как от близости текучей воды он будто бы впадает в сонное состояние.

Внешний облик *Ал* во многом аналогичен с обликом другого демона – *Кафтар* – ведьмы с длинными седыми волосами (повсеместно), которая живет в лесу и нападает на людей (с. Зиль). В наше время имя этого демона сохранилось в основном как ругательство: *Кафтар*, *Кафтар-джанавар* обзывают старых сварливых женщин. В с. Дарваг вредных и сварливых стариков и старух называют *Гужа-Кафтар*. В с. Ерси сохранилось представление о *Кач-Кафтар*. Ее представляли в виде собаки (суки), поедающей на кладбище трупы плохих людей, которых закопали неглубоко. Такое же верование о *Кафтар-джанавар* имелось и у табасаранцев с. Джули (20.С.26).

Что касается демонов кладбища, то вера в них также существует. Так, в с. Арак имеется представление о демоне *Гураза* (ср. у табасаранцев – *Курузай*, *Курузан*) (20.С.25). В него превращается душа плохого человека после смерти. Длинный, в белом одеянии *Гураза* шатается по улицам в темное время суток и пугает людей. В наши дни его именем обзывают непонятливых людей, а также пугают детей. Впрочем, последних запугивали и другими демонологическими персонажами: «Дух придет!» (с. Ерси), «Дамдабажи придет!» («Дамдабажи»- баба Яга /азерб. лит. яз./) (с. Дарваг).

Представление о сверхъестественных существах, обитающих на кладбище, имеется и в с. Зиль. Здесь в районе развалин Большой мечети («Уллу мечет»), вблизи кладбища в прошлом опасались проходить вечером согрешившие люди, так как будто бы на их пути появлялся святой («пир») в белом, и они не могли двинуться дальше.

Описание мусульманских мифологических персонажей (шайтан, джинны, пери, гурии, малаики и т.д.) не входит в задачу нашего исследования. Однако в ряде случаев под личиной шайтана и джиннов могут скрываться демоны, имеющие местное происхождение.

Местами обитания шайтана и джиннов являлись свалки, разрушенные и заброшенные жилые и хозяйственные постройки, родник в темное время суток, а чаще всего мельница. В с. Арак местами обитания нечисти считают «Скалу шайтанов» («Шайтан кая»), находящуюся в 500 м к юго-востоку от села. В ночное время люди опасались проходить мимо нее – «шайтан заберет». Другим таким местом являлся водопад «Су атан кая» («Вода, падающая со скалы»), У водопада иногда якобы слышно, как шайтаны окликают человека.

В с. Ерси локусом обитания нечистой силы был мост «Джиннер копи» («Мост джиннов») вблизи кладбища. Люди боялись проходить по нему, так как существовала вера, что на нем живут джинны. Следует отметить, что в мифопоэтических традициях мира мост соотносится с враждебным человеку пространством, так как он строится «на самом опасном месте, где путь прерван, где угроза со стороны злых сил наиболее очевидна, подобно перекрестку, развилке дорог» (25.С.176).

По всеобщему представлению, у шайтана и джиннов пятки вывернуты в обратную сторону и один глаз во лбу (последняя аномалия свидетельствует об особой магической силе) (14.С.306). Однако иногда они могут принять облик нормальных людей. В качестве иллюстрации к этому представлению приводят случай, происшедший с жителем соседнего табасаранского селения Цухтиг. Вечером недалеко от села, у родника «Къарикъ», пожилой мужчина встретил двух незнакомых девушек, которые спросили у него дорогу на с. Аркит. Он показал им направление. Неожиданно девушки схватили его за руки и за ноги и окунули в родник, а затем понесли в скалы, где его и обнаружили в

бессознательном состоянии под утро родственники и односельчане. После этого случая мужчина еще несколько лет не мог прийти в себя от пережитого.

Наряду с местами выброса нечистот и мусора, разрушенными и заброшенными постройками, водными источниками в темное время суток, мельницами и мостами локусом обитания нечистой силы являлся и дверной порог (граница миров), который у всех народов Дагестана «считался местом обитания вредных духов, и поэтому на него не наступали ногами, не здоровались через порог» (6.С. 106). На пороге можно было сидеть в дни траура или других несчастий (с. Цанак). Даргинцы-цудахарцы считали порог годеканом шайтанов.

Для того чтобы оградить жилище от вредного влияния людей, приносящих несчастье, дагестанские азербайджанцы прибавляли у порога железную подкову. И до сих пор как и табасаранцы (5. С. 91), и даргинцы-цудахарцы (18.С.219), азербайджанцы гостю, долгое время не бывавшему в доме, а затем переступившему его Порог, говорят как бы в шутку: «Балта атун габагине!» («Бросьте топор навстречу!») (с. Арак, Цанак), «Демюр атун! Агач атун!» («Железо бросьте! Дерево бросьте!») (с. Ерси). Эти выражения, восходящие, на наш взгляд, к культам железа и дерева, можно объяснить и так: человек, находившийся на чужбине и общавшийся с иноплеменниками, мог заразиться от них злой магией. «Поэтому, прежде чем вновь быть принятым в своем племени и обществе друзей, вернувшийся из путешествия должен был пройти через очистительные обряды» (26.С.225).

Таким образом, как это видно из представленного материала, можно отметить сравнительное многообразие и разветвленность мифологических персонажей, составлявших в прошлом языческий пантеон богов и демонов дагестанских азербайджанцев. В их религиозных верованиях чувствуется определенное влияние духовной культуры соседних табасаранцев. Дальнейшее изучение доисламских мифологических персонажей азербайджанцев, проживающих на территории Табасарана, перспективно в плане реконструкции более полной картины пантеона богов и демонологии народов Дагестана.

1. *Алимова Б.М.* Табасаранцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.
2. *Алимова Б.М.* Влияние межэтнического общения на культурные традиции южных кумыков и азербайджанцев//Тезисы докладов Международной научной конференции «Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее», посвященной 80-летию Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004.
3. *Вавилов В.Н.* Албасты // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т.М.: Рос. энциклопедия, 1994.Т. 1.
4. *Брагинская И.В.* Небо // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т.М.: Рос. энциклопедия, 1994.Т.2.
5. *Булатов Б. Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. Махачкала, 2004.
6. *Гаджиев Г.А.* Магия в свадебной обрядности народов Нагорного Дагестана // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986.
7. *Гаджиев Г.А.* Культ природы и обряды, связанные с производственно- хозяйственной деятельностью у лезгин в прошлом // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1977.
8. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961.
9. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990.
10. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские азербайджанцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во «Восточ. лит-ра» РАН, 1999.
11. *Гасанов М.Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
12. *Доногуев М.* Ерси (страницы истории). Махачкала, 2003.

13. Ибрагимов М.-Р.А. Азербайджанцы // Народы Дагестана / Отв.ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002
14. Иванов В. В. Глаз // Мифы народов мира.Т. 1.
15. История Азербайджана. Баку, 1959.
16. Мамедов А. Из дагестанских нравов. Ал паб (лезгинское поверье) // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып.13.
17. Мифология: Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М., 1998.
18. Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Аул Куппа: Историко-этнографические очерки. XIX-XX вв. Махачкала, 1996.
19. Серов С.Я. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.
20. Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000.
21. Список городов и селений Южного Дагестана с указанием сведений о населении. 1 869 г. // ЦГА РД. Ф. 150.Оп. 1 Д. 3.
22. Ташор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
23. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач XX в. М.; Л., 1957.
24. Толстой Н.И. Еще раз о теме «тучи-говяда, дождь-молоко» // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994.
25. Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира. Т. 2.
26. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1980.
27. Хсидоева М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.
28. Халилов Х.М. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984.
29. Халипаева И.А. Тенгри - верховное божество кумыков // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1988.
30. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
31. Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Науч. ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала, 1995.
32. Шаманов И.М. Древнетюркское верховное божество Тенгри // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии (Материальная и духовная культура). Черкесск, 1982.
33. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.